

- Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- 25 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–22.
- 26 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 27 *Завадский С. В.* Указ соч. С. 44.
- 28 *Корнев С. А.* Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших Министрах // Архив русской революции. Т. 7. С. 15.
- 29 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 139. Иванов Сергей Валентинович (1852–1925) – известный юрист и общественный деятель, тайный советник, сенатор. В 1913–1917 гг. – председатель Петербургской городской думы.
- 30 Там же. Д. 134. Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) – крупный судебный деятель, тайный советник, сенатор. В должности товарища председателя ЧСК с 8 марта 1917 г. Вышел из состава комиссии 16 мая 1917 г. Официальная версия ухода – по болезни. С 1921 г. – в эмиграции.
- 31 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. // «Стой в завете своем...». С. 105.
- 32 *Кафафов К. Д.* Указ. соч. С. 88.
- 33 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 105–106.
- 34 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 35 *Блок А. А.* Дневник. М., 1989. С. 243.
- 36 Министры юстиции Временного правительства: А. Ф. Керенский (2 марта – 5 мая), П. Н. Переверзев (5 мая – 6 июля), И. Н. Ефремов (10 – 21 июля), А. С. Зарудный (25 июля – 1 сентября), П. Н. Малянтович (25 сентября – 25 октября). Причем все они, кроме Ефремова, принадлежали к синергии «молодая адвокатура».
- 37 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 107.
- 38 *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 338.
- 39 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 40 Цит по.: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 41 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 104.
- 42 Вестник. 1917. № 7. 12/25 марта.
- 43 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 75.
- 47 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 69об.
- 48 Цит. по: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 49 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 50 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 51 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 52 Название «Верховная», думается, более точно отражало ее статус и предназначение, но, как известно, по прихоти Керенского она была переименована в «Чрезвычайную».
- 53 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 54 Там же.
- 55 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Рубинштейн Н. Н.* Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства // Пролетарская революция. 1927. № 1 (60). С. 240.
- 57 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 76.
- 58 Там же.
- 59 «Стой в завете своем...». С. 289.
- 60 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 61 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Имелась в виду думская речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой он обвинил Б. В. Штюмерера прямо, а царицу косвенно в «измене».
- 62 Там же. Д. 2. Л. 64.
- 63 Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXIV.
- 64 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».

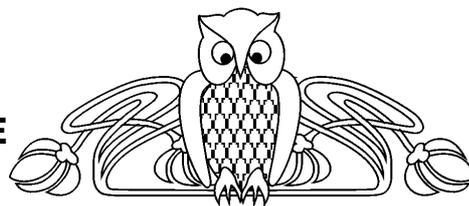
УДК [338.45:629.114.2](470.45–25)(09) «1928/1932»

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНИКИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет,
кафедра Российской цивилизации
E-mail: albert25@yandex.ru

Одним из символов первой пятилетки стал человек в рабочей спецовке Сталинградского тракторного завода, в буднях великой стройки преобразующий страну и одновременно самого себя, подгоняя «время вперед». В проблемах строительства и освоения новой техники на тракторном заводе, как в зеркале, отразились

все противоречия и сложности ускоренной индустриализации в годы первой пятилетки.

Problems of Development of New Mechanics on Stalingrad Tractor Factory within the First Five-year Period

V.A. Cholakhyan

The person dressed in working special clothes of Stalingrad tractor factory became one of the symbols of the first five-year period. In everyday lives of great construction he was changing the country and

simultaneously itself, adjusting the «time forward». In problems of construction and development of new mechanics at a tractor factory, all contradictions and complexities of the accelerated industrialization within the first five-year period were reflected as in a mirror.

Задачи переосмысления советской истории 20–30-х гг. XX в. настоятельно выдвигают на первый план необходимость выбора методологических основ исследования. Всё больший научный интерес вызывает концепция социальной истории, являющаяся результатом междисциплинарного синтеза, вобравшего в себя как достижения истории, так и смежных наук. Характерным для современных историков стал интерес к локальной и региональной истории и особенно – к микроистории, т.е. к изучению экономических и социальных процессов «внизу», «в глубине» общественной пирамиды, через определение взаимосвязи человека, общества и власти.

В последнее время в нашей стране и за рубежом вышло немало работ по советской истории 1920–1930-х гг., написанных с позиции микроистории и региональной истории. К ним относятся, прежде всего, работы Анне Рассвейлер о Днепрострое, Дэвида Хоффманна о крестьянской миграции в Москву, Стивена Коткина о Магнитогорске и Кеннета Страуса о Пролетарском районе столицы¹. Авторы этих исследований, помимо введения в научный оборот новых документов, показали исключительную актуальность микроподходов для анализа рабочей истории советского периода.

Знаменательным событием последних лет в нашей стране стал выход в свет ежегодника «Социальная история», а также фундаментальных исследований С.В. Журавлёва, М.Ю. Мухина, А.М. Маркевича, А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой². Результаты их работ свидетельствуют, с одной стороны, об эффективности новых подходов в изучении социально-исторической реальности, а с другой – о необходимости дальнейших региональных исследований.

Главные задачи и проблематика данной публикации находятся в русле определённой выше исследовательской модели социальной истории и заключаются в изучении проблем строительства и освоения производства на одном из символов первой пятилетки – Сталинградском тракторном заводе (СТЗ).

В истории строительства этого гиганта первой пятилетки воплотилось всё «громоздкие планы» «светлого будущего», связанное с чрезвычайным напряжением материальных, финансовых и человеческих ресурсов страны. Поэтому задачи индустриализации были резко политизированы и оказались в эпицентре общественной жизни.

В августе 1925 г. постановлением Главмталла было признано рациональным возведение нового тракторного завода в Нижнем Поволжье, а 1 июля 1927 г. СТО СССР «окончательно принял

для постройки на Сталинградском заводе трактора типа «Интернационал» в количестве 10000 штук в год»³. В декабре 1928 г. было принято новое решение: приостановить закладку фундамента и перепроектировать завод на выпуск тракторов типа «Интернационал» мощностью 15/30 лошадиных сил и производительностью 40 тыс. в год при двухсменной работе⁴.

Первоначальный вариант проекта завода был составлен Гипрометом без привлечения иностранных специалистов. Однако после изменения мощности трактора, объёмов выпуска и ужесточения сроков строительства ВСНХ СССР высказался за «непосредственное использование иностранных технических сил в области проектирования»⁵.

Сразу выяснилось, что в США нет фирм, которые взяли бы за составление проекта в целом. Вследствие этого проектирование отдельных цехов и мастерских пришлось передать специальным фирмам. Составление строительного проекта 3-х основных цехов было передано американской фирме «Альберт Кан», которая также подготовила расчёты потребности электроэнергии, топливного баланса, размера трансформаторов и трубопроводов и их расположения в цехах. Проектирование кузницы было поручено инженеру Смигу, литейной – фирме «Франк Чейс», проект холодной штамповки двум фирмам: «Ниагара» и «Блисс», а первой и второй термических мастерских – фирме «Раквелл». Строительную часть проекта станции осуществила фирма «Сэпер», а электромеханическую – фирма «Вестингауз», которая и обеспечила поставки необходимого оборудования⁶.

Советские инженеры Турчанинов и Белов были командированы в США и принимали активное участие в проектировании кузницы и литейной, а инженеры Тракторостроя – в составлении схемы технологической части механосборочного цеха. Это давало им возможность на месте ознакомиться с работой американских тракторных заводов и проверить работу оборудования, закупавшегося в США.

Таким образом, в весьма короткие сроки силами американских фирм при участии советских специалистов удалось закончить основные работы по проектированию тракторного завода и сдать все заказы на оборудование и изготовление железных конструкций.

Первые чертежи поступили в СССР в июле 1928 г. на английском языке без приложения спецификаций стройматериалов. Конкретизация проекта осуществлялась силами специалистов Госпромстроя, а Тракторострой составил календарный план работ, по которому окончание постройки завода намечалось на конец 1930 г., а пуск его в конце 1931 года. Однако вскоре, 11 июля 1929 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло новое решение «О темпе строительства Сталинградского завода»:

«а) в связи с выявившимися техническими возможностями отменить принятый постановлением Политбюро срок пуска завода (конец 1931 г.) и утвердить конец 1930 г. как окончательный срок пуска завода;

б) дать указания соответствующим ведомствам исходить из этого срока, в частности при заказе основного оборудования в Америке, и исходить из необходимости получения его в Сталинграде к 1 апреля 1930 г.;

в) предложить ВСНХ в ближайшие дни решить вопрос о том, какие заводы, каким материалом будут снабжать тракторный завод, с тем, чтобы эти заводы немедленно начали свою подготовку»⁷.

Под «выявившимися техническими возможностями» Политбюро имело в виду заказ в США металлических конструкций и новые американские методы работы по закреплению в фундамент анкерных болтов до прибытия конструкций и постройки кирпичных стен.

В Сталинграде ещё не были полностью возведены стены завода, а Политбюро 5 ноября 1929 г. приняло решение о переходе его на непрерывное производство и выпуске вместо 40000 50000 тракторов в год⁸.

Американские инженеры и специалисты, ознакомившись с планами работ Госпромстроя, заявили, что в таких условиях они не могут гарантировать постройку основных цехов в установленные сроки. К тому же в самом Госпромстрое скептически относились к таким высоким темпам строительства и пуска завода. В опубликованном в «Торгово-промышленной газете» «Заявлении 14» представители Госпромстроя высказывались за сохранение «разумных» темпов⁹. Вопрос о высоких темпах строительства СТЗ уже приобрёл политический характер, и соответственно противники их прямо причислялись к вредителям. Заместитель директора Госпромстроя Яковлев с такой формулировкой был отстранён от занимаемой должности, а партийное и профсоюзное руководство полностью обновлено. В силу этих обстоятельств Нижне-Волжский крайком ВКП(б) поддержал решение Сталинградского окружкома об изъятии у Госпромстроя документации на постройку основных цехов СТЗ и передал Тракторострою, который под руководством американского инженера Калдера стал «хозяйственным способом» строить завод¹⁰.

Следует отметить, что Тракторострой не имел опыта подобного строительства и потому американские специалисты использовались здесь не в качестве консультантов, а как руководители всего промышленного строительства. Помощник Калдера инженер Свэджан не только сам руководил разбивкой, но в ответственных местах лично вёл эти работы. Если в начале строительства и возникали недопонимание и спорные вопросы, связанные с незнанием языка и отсутствием надлежащего числа квалифицированных переводчиков, то с течением времени эти явления были изжиты. Американцы частично восполнили недостаток в отечественных специалистах, а также ввели новые методы работы по сборке и установке оборудования.

С другой стороны, американские специалисты были удивлены самоотверженностью и целеустремлённостью советских рабочих. Так, когда «строительству нужно было до наступления сильных морозов во что бы то ни стало укрыться под крышу, а часть квалифицированных каменщиков и плотников пытались уйти со стройки в связи с «концом сезона», основная масса рабочих ответила на это отказом от выходных дней, в течение трёх недель пересмотрела пункт колдоговора о сроках заявки на увольнение в сторону их удлинения и выполнила работу»¹¹.

Другой пример ещё больше удивил американцев. Для остекления основных цехов завода нужны были не менее 200 квалифицированных стекольщиков, а на стройке числились лишь 15 специалистов. Тогда за дело взялись ударные комсомольские бригады, которые в 18–22-градусный мороз произвели остекление цехов¹². А когда инженеры Спецстроя отказались производить в сильные морозы настил торцового пола, с этим делом справились ударные бригады, хотя «никто не знал, как это делается»¹³.

Количество рабочих на Тракторострое постоянно росло. Если на 1 октября 1928 г. было 1202 человек, на 1 июля 1929 г. – 2842, в IV квартале 1928/29 г. – 8200 человек, то в апреле 1930 г. – 17668 человек, из которых 14698 человек были заняты на строительстве и 2970 – на производстве¹⁴. В результате ударной работы оказались перевыполнены планы строительства основных цехов СТЗ (таблица)¹⁵.

Выполнение планов строительства основных цехов

Цех	Сроки, дни		
	Американские	Первоначальные предложения Тракторостроя	Фактически затраченное время
Кузнечный	284	319	264
Литейный	375	366	191
Механосборочный	345	258	264

Таким образом, в рекордно короткие сроки (11 месяцев) был построен Сталинградский тракторный завод. Этому событию придавалось тогда важное политическое значение. Однако уже в апреле 1930 г. за внешней амбициозностью мероприятия стали проявляться тревожные симптомы неблагополучия при пуске и освоении заводского оборудования. На совещании ВАТО 9 апреля 1930 г. с тревогой констатировались недостатки по обеспечению завода оборудованием и материалами. В докладе членов комиссии ВАТО, побывавшей на СТЗ, «наряду с серьёзными затруднениями по пуску завода из-за необеспеченности рабочей силой, отмечалось ненормальное положение с просрочкой поступления оборудования: некоторые станки до 3 месяцев отсутствовали и сведений по их поступлению нет (есть сведения в тоннах, а не в номенклатуре)»¹⁶.

На 1 мая 1930 г. на СТЗ имелось примерно 25 % необходимого оборудования, инструментальный и ремонтный цеха были уже построены, но очень плохо оборудованы. Чтобы выполнить правительственное задание к XVI съезду ВКП(б) рабочие вручную изготавливали тракторные детали. Вначале распоряжением заводоуправления нужно было выпустить 25 тракторов столь примитивным способом, но после выпуска четырёх тракторов их «прекратили клепать с помощью напильников»¹⁷.

Первоначально при укомплектовании завода ставка делалась не на подготовку собственных квалифицированных кадров, а на организованную переброску рабочих со всех концов СССР. Был проведён целый ряд таких перебросок, но эффективность оказалась крайне низкой. Так, из посланных на СТЗ в счёт «7000» работали на 1 апреля 1931 г. лишь 1909 человек; в счёт «1000» квалифицированных рабочих – 142; в счёт «1000» по мобилизации ВЛКСМ – 216; в счёт «1500» – 137 человек¹⁸. Среди причин такой ситуации в резолюции бюро заводского комитета ВКП(б) отмечались как «не совсем благоприятная обстановка с жилищами и питанием», так и «рваческие настроения, пьянство, дебоши и паникёрство, разлагающе действующие на остальную здоровую часть рабочих»¹⁹.

В Верхнем посёлке СТЗ проживали более 60 тыс. рабочих и членов их семей. Недостаток жилья приводил к тому, что десятки рабочих жили прямо в цехах завода. Из-за отсутствия дорожек, тротуаров и мостовых в посёлке рабочие утопали в грязи. Стирка белья являлась большой проблемой, так же как и мытьё, ибо имелась единственная баня с мизерной пропускной способностью на весь посёлок. Маленькая амбулатория не могла удовлетворить всех. Процветало пьянство и хулиганство.

Наиболее уязвимым местом в посёлке являлся водопровод. Вопрос с фильтрацией воды не был разрешён, что становилось причиной увеличения желудочных заболеваний, особенно

весной и летом. Из переписки акционерного общества «Альберт Канн Инкорпорейтэд» стало известно, что в ноябре 1930 г. в результате спуска сточных труб в водозабор на СТЗ началась эпидемия тифа²⁰.

Рабочие газеты «Даёшь трактор» в своих заметках отмечали низкое качество обедов в столовых, которые рабочие называли «болтушкой». В цехах пища развозилась в термосах. Вместо 100 имелось лишь 40 термосов, а поскольку перерыв на обед длился всего 30 минут, рабочие за 30–40 минут до его начала занимали очередь²¹.

После приезда в Сталинград Г.К. Орджоникидзе весной 1931 г. положение несколько изменилось. В рабочем посёлке был организован поход за чистоту, за культуру, за здоровый быт под лозунгом «Культурно жить – производительно работать». В течение лета были отремонтированы все жилища посёлка, приняты на работу уборщицы, установили мусорные ящики.

Весной 1931 г. на СТЗ было заселено 59 каменных и 28 деревянных домов, а к 1 января 1932 г. сдали дополнительно 16 каменных домов, из них 11 недооборудованных сантехникой. За IV квартал 1931 г. и первое полугодие 1932 г. в рабочем посёлке было построено 105 стандартных домов, а общий жилой фонд увеличился на 21 тыс. кв. м²². Поскольку стандартные деревянные дома оказались непригодными для жилья, рабочие своими силами отштукатурили их.

Население рабочего посёлка к 1 января 1933 г. составляло 74 тыс. человек, а общая площадь жилого фонда равнялась 168 тыс. кв. м, т.е. чуть больше 2 м² на человека²³. Распределение жилья было строго подчинено интересам производства: все квартиры контролировались заводской администрацией и партбюро и предоставлялись квалифицированным рабочим, ценным кадрам, ударникам.

В течение 1932 г. в посёлке появилось 6200 м² асфальтовых тротуаров, 6400 м² мощёных дорог, построен звуковой крытый кинотеатр на 350 человек и цирк, вмещавший свыше 300 человек. В ноябре 1932 г. был открыт диспансер со 139 кабинетами, обслуживавший ежедневно до 2,5 тыс. человек²⁴. Общая заболеваемость уменьшилась с 42689 человек в I квартале до 38860 – в IV квартале 1932 года Заводской здравпункт получил премию на Всесоюзном конкурсе в 1932 году²⁵.

Посёлок в 1932 г. ощущал острую нужду в больнице. Так, единственная больница соседнего завода «Баррикады» была перегружена, а отсутствие автобусного сообщения с городом лишало рабочих возможности посещать городские медицинские учреждения.

Эти и другие социально-бытовые трудности на СТЗ преодолевались постепенно, по мере поступления из Центра необходимых средств. А вот производственные проблемы требовали немедленного решения, особенно вопросы снабжения завода качественным металлом.

На совещании ВСНХ СССР под председательством Лобова в июле 1930 г. в ходе обсуждения этого вопроса директор завода Иванов сообщил, что «из необходимых 260 различных профилей металла Сталинградский завод «Красный Октябрь» принял заказ лишь на 103 размера. Попытка разместить этот заказ на других металлургических заводах не увенчалась успехом»²⁶. При этом Иванов подчеркнул, что качество металла, получаемого с «Красного Октября», таково, что «СТЗ не рискует пустить его под штамп», так как он может привести к поломке последнего²⁷.

По поручению Орджоникидзе в конце декабря 1930 г. на СТЗ выехала специальная комиссия под председательством Жукова, в составе Пудалова и пяти инженеров завода «Красный Путиловец» – Седова, Северова, Каргополова, Шванна и Яроша. По возвращению в Москву на заседании ВСНХ Жуков сообщил о выводах комиссии: к декабрю 1930 г. свыше 90 % оборудования основных цехов прибыло и установлено, а недооборудованными оставались инструментальные и ремонтные мастерские. При заказе оборудования соответствующими организациями не была предусмотрена запроектированная очередность строительства, вследствие чего ассигнования поступали несвоевременно. В результате само оборудование часто прибывало не в те сроки, в какие требовалось по плану²⁸.

Члены комиссии единодушно подчеркнули, что пуск СТЗ в июне 1930 г. был произведён без должной подготовки, а сооружения и оборудование так и не сданы техническим актом в эксплуатацию²⁹.

Одна из причин плачевного состояния освоенной техники в 1930–1931 гг. заключалась в том, что на СТЗ «некогда было заниматься управлением производства и анализом недостатков, поскольку над всей работой завода довлело политическое требование дня – всё сводилось к лозунгу «Даёшь трактор!»³⁰. Эта система досталась заводу в наследство от строительного периода, когда большинство трудовых процессов осуществлялось вручную, вне связи друг с другом, а применяемые механизмы были примитивными и выносили самое грубое к себе обращение. Тогда строительство осуществлялось без всякого учёта, а установка «моё дело построить, а что стоит строительство пусть считают другие» была самой распространённой³¹.

В условиях конвейерного производства все эти методы оказались совершенно непригодными. Директор завода В.И. Иванов (он же возглавлявший строительство), обходя в октябре 1930 г. цеха, давал всем одну и ту же неизменную директиву: «Гони на темп»³². В результате увеличивался брак, на что тот же Иванов отвечал: «Ничего, брак для нас в первый период – вещь неизбежная, и отчаиваться по этому поводу не следует. Чем больше брака вначале, тем лучше и скорее будем работать потом»³³.

Ремонтные и инструментальные мастерские на СТЗ оказались загруженными работой по изготовлению тракторных деталей вместо обслуживания станков и оборудования основных цехов. Администрации завода в целях выполнения производственной программы приходилось пускать на сборку уже ранее забракованные детали, поскольку других просто не было. Всё это приводило к серьёзным отклонениям от качественных норм. С другой стороны, на металлургических заводах, снабжавших тракторный, также не привыкли к строгой калибровке металла, и СТЗ часто получал полуфабрикаты либо большего размера, либо неправильной формы. Во избежание остановки конвейера отдел снабжения завода доставал любой металл, пусть и малопригодный, а крупные токарные станки ремонтных мастерских обрабатывали его для придания необходимых форм и размеров³⁴.

Один из американских специалистов СТЗ, много лет работавший на заводе Форда, отмечал, что «производство тракторов постоянно лихорадит, а конвейер, самый смысл существования которого в непрерывном движении, в Сталинграде гораздо больше стоит, чем движется. В общей сложности время его движения составляло лишь около одной трети всего рабочего времени. Потоки деталей каждый день прерывались то тут, то там, то из-за особенно высокого процента брака, то из-за поломки станков, то из-за отсутствия воздуха в литейной и десятков других причин, почти всегда неожиданных, внезапных, замечаемых лишь тогда, когда уже поздно предотвратить прорыв потока, тем более, что завод живёт без минимально необходимых резервов деталей, станков, инструментов, штампов, моделей и т.д. Причём в случае возникновения отдельных прорывов все бросаются к узкому месту, забывая об остальном производстве»³⁵.

Другой американский инженер указывал на пренебрежительное отношение администрации и рабочих к обслуживанию станков и оборудования. Так, недостаток простых тряпок для вытирания масла привёл к серьёзным поломкам фрезерных станков, стоимость каждого из которых превышала 27 тыс. долл.³⁶. Из 3230 поломок за первый квартал 1931 г. 482 произошли по причине плохого ухода за станками и 170 – из-за безответственного обращения с механизмами и инструментами³⁷.

Техническая безграмотность рабочих являлась основной причиной многочисленных поломок. Рабочая молодёжь завода (60 % всех работавших составляли люди от 17 до 24 лет) не имела необходимой профессиональной квалификации для работы на сложных и новых станках, впервые установленных в стране. Производственный стаж 80 % рабочих СТЗ не превышал одного года³⁸. Не случайно поломки оборудования доходили до внушительных размеров. На 3000 станков за 8 месяцев произошло 6000 поломок. Только в механосборочном цеху на 1100 станков

приходилось в среднем не меньше двух поломок в месяц³⁹. В погоне за темпами поломка станков считалась на заводе чем-то совершенно обычным и ни к каким последствиям для виновных (будь то рабочий, наладчик или мастер) не приводила. Никто особенно и не задумывался о стоимости ремонта станков. В газете «Борьба» со слов директора завода Иванова приводилась сумма 750 тыс. руб. в год. Однако эта цифра ещё тогда вызывала сомнение: по оценке специалистов – экспертов газеты «За индустриализацию», стоимость ремонта оборудования к маю 1931 г. составляла не менее 4,5 млн руб.⁴⁰.

Другой причиной плачевного состояния станков и оборудования на СТЗ на первых порах являлось пренебрежительное отношение рабочих и бригадиров к иностранным специалистам. Попытки перенести авральные методы работы периода строительства завода на станки и агрегаты в условиях технической безграмотности не приносили результатов и «посрамить» американских рабочих в этой сфере не удавалось. Из-за неприязни некоторой части советских рабочих к американским специалистам последние были вынуждены работать отдельно. Понадобились немалые усилия администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций для преодоления такого антагонизма и разъяснения целей приезда американских рабочих-специалистов.

В мае 1930 г. более 300 американцев трудились на СТЗ. В их задачи входило в короткие сроки наладить станки, организовать производственный процесс и обучить молодых советских рабочих современным методам работы⁴¹.

Американские рабочие-специалисты создали в Сталинграде «Общество культурно-технической помощи Советской России». В августе 1930 г. в Сталинграде состоялся судебный процесс по делу избияния рабочего-негра Робинсона Луисом и Брауном. На суде выступили 10 обвинителей, из них 5 представителей иностранных рабочих, работавших в разных городах СССР – интернациональная бригада газеты «Труд». Процесс получил политическую окраску и транслировался по радио во всех общежитиях и бараках СТЗ. Суд приговорил Луиса и Брауна к двум годам лишения свободы, однако приняв во внимание, что «расовая вражда была привита им в силу капиталистической системы эксплуатации низших рас», заменил высылкой за пределы СССР⁴².

Этот судебный процесс разделил иностранных рабочих на СТЗ на две группы: искренне желавших применить свой богатый технический опыт на благо СССР и на тех, кто относился к нашей стране враждебно.

Бывший директор СТЗ Грачев вспоминал, что из всех американцев, работавших на заводе, «одна треть – аптекари, другая – парикмахеры и лишь последняя треть имеет отношение к технике и производству». В первое время среди завербованных рабочих попадались не только честные

специалисты, но и «неучи и враждебные, чуждые элементы»⁴³. При этом Грачев отмечал, что «если часть иностранных рабочих и специалистов работает действительно не так, как следовало, то это, главным образом, потому, что иностранцев не умеют правильно использовать»⁴⁴.

Американская журналистка Анна Луиза Стронг, побывавшая на СТЗ в 1930 г., писала о Мак Лине, работавшем ранее в США главным мастером в литейном цехе, а в Сталинграде оказавшемся не у дел. Лишь с приходом в цех нового начальника Вержинского положение изменилось: благодаря Мак Лину брак снизился с 65–75 % до 10–19 %, а сам он в необходимые дни работал по 14 часов⁴⁵.

В январе 1931 г. 200 американских рабочих на СТЗ объявили себя ударной бригадой им. Ленина. Редакция газеты «Даёшь трактор» по их инициативе начала издавать специальную вставку «Индустрия спарк» («Искра индустрии») на английском языке⁴⁶.

О том, какое внимание уделяли властные структуры работе с иностранными специалистами, свидетельствуют многочисленные постановления ЦК ВКП(б). Ещё XVI съезд ВКП(б) признал необходимым «расширение практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение иностранных рабочих в СССР, обеспечивая полное использование их опыта и знаний на предприятиях Советского Союза»⁴⁷. Далее 16 августа и 21 ноября 1930 г. ЦК ВКП(б) принял два постановления о работе среди иностранных рабочих, в которых содержались директивы партийным, профсоюзным и комсомольским организациям по преодолению пренебрежительного и недружественного отношения к ним со стороны отдельных рабочих и вовлечения их в ударные бригады, выработку встречных промфинпланов и т.д. С целью преодоления изолированного положения иностранных рабочих, ЦК ВКП(б) рекомендовал «периодически собирать их для заслушивания их жалоб и предложений»⁴⁸.

Однако, несмотря на все усилия местных властей, добиться полного выполнения принятых директив не удалось. Иностранные рабочие постоянно жаловались местным и центральным властям на тяжёлые жилищно-бытовые условия в Сталинграде. Так, в письме американского инженера Орлирода в ВАТО 11 октября 1930 г. говорилось о «безобразных культурно-бытовых условиях на Тракторострое», ставших причиной встречи директора Иванова с иностранными рабочими. На этой встрече американцы вполне корректно изложили свои жалобы, а Иванов обещал, что «если американские рабочие оправдают его надежды, то администрация дойдёт даже до Москвы, для удовлетворения их нужд»⁴⁹.

Однако положение с питанием на СТЗ не улучшалось. В докладной записке начальнику иностранной политики ПТУ ВСНХ СССР М.Г. Гуревичу представители ВАТО обращали

внимание на «катастрофическое положение на СТЗ с питанием. Основные продукты отсутствуют, а те скудные количества продуктов, которые получают, являются недоброкачественными. Такой способ снабжения иностранцев, при котором приходилось за каждой партией продуктов ехать в Москву, совершенно не годится»⁵⁰.

В воспоминаниях американского рабочего Хоней, симпатизировавшего властям, отмечался факт создания на СТЗ группой иностранных специалистов комитета по организации забастовок, которые возникали во время перебоев в снабжении папиросами и некоторыми продуктами. Даже жена Хоней не хотела мириться с этими бытовыми проблемами. Она стала «своеобразным организатором американок, жён других рабочих, и они вместе предъявляли претензии директору завода»⁵¹.

Местные власти делали всё возможное для удовлетворения элементарных запросов иностранцев: они жили в Нижнем, относительно благоустроенном посёлке СТЗ в новых меблированных домиках из расчёта 12 м² на человека, питались в отдельной столовой, а их дети ходили в специальную школу для иностранцев⁵².

На недостатки в работе с иностранными рабочими обратил внимание ЦК ВКП(б) 23 марта 1931 г. в специальном Постановлении, в котором говорилось о невыполнении партийными, профсоюзными и хозяйственными организациями директив ЦК от 16 августа и 21 ноября 1930 года⁵³.

В августе 1931 г. вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии работы с иностранными рабочими и специалистами», предписывавшее крайкомам и обкомам ВКП(б) выделить ответственного инструктора, парткоммам заводов – одного члена бюро, а ВЦСПС – создать бюро по работе с иностранными рабочими и специалистами⁵⁴.

Постепенно число иностранцев на СТЗ уменьшалось: весной 1930 г. их насчитывалось 300 человек, на 1 сентября 1931 г. – 184, а на 1 января 1933 г. – 147 человек⁵⁵.

Недостаток в собственных квалифицированных кадрах стал одной из причин командирования в США советских работников. Первая группа инженерно-технического персонала СТЗ в составе 8 молодых инженеров была командирована в США в августе-сентябре 1928 года. В этой группе только трое стажировались по своей специальности и то лишь в течение года, а не двух, как это намечалось по плану⁵⁶.

Вторая группа молодых инженеров (контрактантов) в количестве 8 человек была отправлена в США для повышения квалификации в октябре-декабре 1929 года. В эти же сроки выехали 16 мастеров, наладчиков и рабочих, а в апреле 1930 г. – ещё 12 человек. Всего были командированы на заводы США для стажировки 36 человек, хотя планировалось 82. К тому же их возвращение намечалось лишь в 1931 г., в то время как завод пустили летом 1930 года⁵⁷.

В условиях ограниченности инвалютных средств Политбюро 25 октября 1930 г. приняло решение о «запрещении командировок театров, спортивных команд, литераторов, музыкантов и делегатов на научные съезды». Планы всех ведомств на заграничные командировки были резко сокращены и «прекращена выдача дополнительной валюты командировочным»⁵⁸.

Следует также отметить, что основная масса работников командировалась по механической и холодной обработке металла, сборке и инструментальному делу, а по горячей обработке, в особенности по литью и новым методам конвейерной формовки – всего один литейщик и один кузнец. Между тем, как показывала практика, наибольший брак продукции в 1930–1931 гг. давали литейное производство и штамповка⁵⁹.

Каждый командированный проходил строгую проверку в соответствующих органах и лишь потом с ним заключали договор, в котором оговаривались сроки и условия его стажировки в США. Каждые 6 месяцев они обязаны были представлять письменный отчёт о проделанной работе, а их месячный оклад составлял 187 долл. За семьёй командированного сохранялась прежняя зарплата в СССР (3 месяца полностью, а остальное время – 2/3 оклада из расчёта 275 руб. в месяц). В соответствии с договором (контрактом) все командированные обязывались проработать на СТЗ в течение от 1 до 3-х лет⁶⁰.

По возвращении из США такие инженеры, как А.М. Богданов, М.Я. Оанисянц, А.Т. Ценципнер, П.С. Каган, А.А. Турчанинов, Н.А. Куликов, И.О. Меламед, П.Я. Симонов, Н.А. Волков, С.Р. Мацук, Н.Н. Рябов, А.М. Лев, М.Г. Дмитриев и другие возглавили наиболее ответственные участки на СТЗ⁶¹.

Положение на Сталинградском тракторном заводе находилось под пристальным контролем Политбюро, который обязал ВСНХ «раз в пять дней докладывать о ходе работ на СТЗ – о недостатках и мерах по их исправлению»⁶². Даже такие вопросы, как снабжение рабочих СТЗ спецодеждой, бельём и столовыми ложками решались на уровне Политбюро⁶³.

Для выявления причин прорывов на СТЗ и скорейшего освоения оборудования завода Политбюро направило в Сталинград бригаду газеты «Правда» в составе Б. Таля, А. Безыменского, М. Рубинштейна и других⁶⁴. С их приездом изменился характер заметок и сообщений не только в «Правде», но и в других газетах. В течение нескольких месяцев корреспонденты всех газет, работавшие на СТЗ, объективно описывали положение на заводе, «разоблачали кумовство, протекционизм и разгильдяйство» местных руководителей⁶⁵.

Эта пропагандистская кампания находила отклик среди рабочих. Например, когда шишельному отделению литейного цеха в конце первой смены передали «орден верблюда» высотой в

2 м, придуманный А. Безыменским, это вызвало «живой напор среди рабочих и желание поскорее исправить положение»⁶⁶.

Почти одновременно в мае 1931 г. на СТЗ приехали две бригады: ЦК ВЛКСМ во главе с Косаревым и ВЦСПС, возглавляемая Ждановым⁶⁷. Для укрепления инженерно-технического персонала СТЗ ведущий инженер Ленинградского завода «Красный Путиловец» Вержинский был откомандирован в Сталинград, а решением Политбюро «бывший вредитель» Маракровский был амнистирован и назначен помощником нового технического директора СТЗ Пудалова⁶⁸.

Итоги работы Сталинградского тракторного завода в 1931 г. оказались неудовлетворительными. Валовая продукция, намеченная по плану в ценах 1926/27 г. на 208550 тыс. руб. составила лишь 49,7 % (103776 тыс. руб.). План по выпуску тракторов был выполнен на 59 %, моторов – на 15,3 %, полуфабрикатов – на 16,3 %⁶⁹.

В 1932 г. при общем росте объёма производства тракторного завода на 66% план оказался выполнен только на 72,2%, хотя руководство СТЗ доложило в апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) об овладении проектной мощностью – 144 трактора в день⁷⁰. Снизилась себестоимость трактора с 4320 руб. в 1931 г. до 3453 руб. в 1932 г., причём, главным образом, за счёт сокращения расходных норм материалов, однако достигнуть плановых показателей (29%) не удалось⁷¹. В себестоимости трактора весьма высоким оказался удельный вес зарплаты, что объяснялось как низкой производительностью труда, так и большим количеством рабочих, обслуживавшего штата и служащих. К тому же потребовались значительные затраты на ремонт оборудования, которое, как отмечалось в годовом отчёте СТЗ за 1932 г., было «настолько изношено, что трудно поверить, что работает всего 1,5–2 года»⁷². Финансовое положение СТЗ в 1932 г. было столь напряжённым, что возникла необходимость во внеплановых ссудах Госбанка, а зарплата рабочим часто задерживалась⁷³.

Таким образом, необоснованно высокие темпы промышленного развития на Сталинградском тракторном заводе стали главной причиной штурмовщины, инициированной идеологическими призывами и обращениями, при весьма слабой организации труда и производства. Вместе с тем, уже в эти годы в рамках директивной планово-распределительной системы стало проявляться очевидное её противоречие: между амбициозностью провозглашаемых планов и реальными возможностями их выполнения.

Примечания

¹ См.: *Rassweiler A.* The Generation of Power: The History of Dneprostroy. N.Y., 1988; *Hoffmann D.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Socialism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; L., 1995; *Straus K. M.* Factory and

Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh, 1997.

- ² См.: *Журавлёв С.В.* «Маленькие люди и «большая» история»: иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; *Тяжельникова В.С.* Повседневная жизнь советских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002; *Тяжельникова В.С., Соколов А.К.* Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004; *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5674. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.
- ⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 175. Л. 27.
- ⁵ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 748. Л. 5.
- ⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 763. Л. 13.
- ⁹ См.: Торгово-промышленная газета. 1929. 2 июня.
- ¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 100^а. Л. 1–2, 7–8.
- ¹¹ Там же. Д. 72. Л. 4–5.
- ¹² Там же. Л. 5.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 175. Л. 33; РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 199. Л. 7.
- ¹⁵ См.: За индустриализацию. 1930. 7 мая.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 199. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Д. 72. Л. 56.
- ¹⁸ Там же. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Д. 199. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Д. 712. Л. 4–5.
- ²¹ См.: Экономическая жизнь. 1930. 20 мая.
- ²² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 38.
- ²³ Там же. Л. 42.
- ²⁴ Там же. Л. 37–39.
- ²⁵ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 39.
- ²⁶ За индустриализацию. 1930. 11 июля.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 64–65.
- ²⁹ Там же. Л. 65.
- ³⁰ За индустриализацию. 1931. 4 мая.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 83.
- ³² Там же. Л. 57 об.
- ³³ См.: За индустриализацию. 1930. 28 окт.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.
- ³⁵ Там же. Л. 27.
- ³⁶ См.: Правда. 1931. 8 мая.

- ³⁷ См.: Известия. 1931. 21 мая.
- ³⁸ См.: Правда. 1931. 9 мая.
- ³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.
- ⁴⁰ См.: За индустриализацию. 1931. 4 мая.
- ⁴¹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 47 об.
- ⁴² Труд. 1930. 31 авг.
- ⁴³ *Сибиряк В.* На стройке социалистического общества. М., 1932. С. 48.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 49.
- ⁴⁶ См.: Правда. 1931. 6 февр.
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее – КПСС в резолюциях...). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 5. С. 156.
- ⁴⁸ *Рубинер Ф.* Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М., 1932. С. 89–90.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 23; Д. 732. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Д. 732. Л. 46.
- ⁵¹ *Хоней Ф.Б.* Я уехал из Америки. Волгоград. 1962. С. 144, 160.
- ⁵² См. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 24.
- ⁵³ См.: *Рубинер Ф.* Указ. соч. С. 90–91.
- ⁵⁴ Там же. С. 92–93.
- ⁵⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 60. Л. 4, 7, 8.
- ⁵⁶ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.
- ⁵⁷ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 17–18.
- ⁵⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 801. Л. 17–18.
- ⁵⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же. Д. 717. Л. 80, 361, 370.
- ⁶¹ Там же. Л. 361.
- ⁶² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 807. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Д. 816. Л. 5; Д. 823. Л. 14.
- ⁶⁴ См.: Правда. 1931. 29 мая.
- ⁶⁵ См.: Труд. 1931. 7 июня.
- ⁶⁶ Правда. 1931. 29 мая.
- ⁶⁷ См.: Правда. 1931. 19 мая, 29 мая.
- ⁶⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 816. Л. 5, 10.
- ⁶⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 391. Л. 13.
- ⁷⁰ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 7, 14; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 881. Л. 16.
- ⁷¹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 14.
- ⁷² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 7.
- ⁷³ Там же.